

Рис. 2. Циклическая модель времени

Принципиальной отличительной чертой циклической модели времени является восприятие действительности не столько разумом, сколько ощущениями, эмоциями и чувствами. Деятельность крестьян была направлена одновременно на множество объектов и субъектов труда. Ведь аграрный способ жизни требовал от сельчанина не последовательного, а одновременного исполнения функций земледельца, скотовода, строителя, рыбака и охотника.

К моменту принятия христианства и введения юлианского календаря славяне пользовались естественно-природным календарем – *месяцесловом*, отображавшим особенности взаимодействия славян с природой, землей, космосом, своими родичами и небесными покровителями. Включенность жизни славян в природно-аграрные циклы подтверждает то обстоятельство, что в отличие от латинизированного современного русского языка белорусский, украинский и польский языки в своей основе сохранили старославянскую природно-циклическую сущность названий месяцев.

Названия месяцев

Русский	Белорусский	Украинский	Польский
январь	студзень	січень	styczeń
февраль	люты	лютий	luty
март	сакавік	березень	marzec
апрель	красавік	квітень	kwiecień
май	май	травень	maj
июнь	чэрвень	червень	czerwiec
июль	ліпень	липень	lipiec
август	жнівень	серпень	sierpień
сентябрь	верасень	вересень	wrzesień
октябрь	кастрычнік	жовтень	październik
ноябрь	лістапад	листопад	listopad
декабрь	снежань	грудень	grudzień

Нетрудно видеть, что в славянских названиях большинства месяцев достаточно четко зафиксированы установки на определенные сезонно-природные виды деятельности.

Название центрального зимнего месяца в белорусском языке – *студзень* точно выражает его природную сущность – студеное, холодное время. В старобелорусском языке этот месяц обозначался словом *стычень*. Похожее звучание сохранилось и в

современных украинском и польском вариантах – *сечень, styczeń*, в которых присутствует корень *сечь*, т. е. сечь, рубить лес, заготавливать дрова. По-видимому, это название сформировано существовавшей в лесной зоне культурой *подсечного* земледелия. На этот месяц, относительно свободный от сельскохозяйственных работ, приходится один из главных белорусских народных праздников – *Коляды*, приуроченный к тревожному природному явлению – зимнему солнцестоянию, когда устанавливались самая длинная ночь и самый короткий световой день. Тревожность пришедшей тьмы древние славяне снимали буйными языческими обрядами. Главным содержанием *Коляд* были игрища: танцы, песни, рассказы как правдоподобных, так и совершенно неправдоподобных сказок, былин.

Название последнего, прощального месяца зимы, которое звучит одинаково и в белорусском, и в украинском, и в польском языках – *люты, лютий, luty*, недвусмысленно указывает на лютое, холодное, богатое метелями время года. «Віхры і мяцелі

у лютым наляцелі». К зиме нужно было приготовить соответствующую одежду и обувь. «Прыйдзе люты – спытае, як абуты».

В названиях первого весеннего месяца в белорусском и украинском языках *сакавік* и *березень* очевидны «следы» березового сока. «Сакавік дрэвам сок пускае». В этом месяце снег начинал чернеть, на высоких, открытых местах появлялись первые проталины, первая зелень, на южных склонах и крышах начинал таять снег, хотя зима еще не сдавала своих позиций. «Сакавік часамі снегам сее, а часамі сонцам грэе». В это время из теплых краев в родные места начинали прилетать грачи, скворцы, жаворонки. Возвращения птиц как вестников весны ждали, и их благополучный прилет поддерживался языческим праздником – *Сороки*. В этот день следовало выпекать 40 птиц и выставлять их на видных местах. Считалось, что если кто-нибудь в этот день увидит *вырай* – журавлиный или гусиный клин, то это хороший знак для всех сельскохозяйственных и семейных дел. А если гуси или журавли летели разрозненными, маленькими группами, то это предвещало неудовлетворительный урожай, расстройство в семейных делах.

В первый весенний месяц восточные славяне вступали в новые по сути сакральные отношения с природой. Именно весной в их сознании просыпалось обостренное чувство *взаимосвязанности, взаимодействия* людей и природы. Если осенью люди благодарили природу и богов за щедрый урожай, то весной природе нужно было помогать: следовало помочь освободить природу от зимы, для чего ее воплощение ритуально сжигали и таким образом помогали «проснуться» весне. Весну нужно было приглашать, звать, *зукать*. Масленая неделя, Масленица, дохристианский народный праздник с ритуальными блинами – символами главного божества – Солнца, выражали призыв к пробуждающейся природе и трепетную надежду на новую жизнь. Почти пять веков христианской эпохи Новый год на Руси начинался 1 марта. И только в 1492 г. решением Московского Церковного Собора начало нового года было перенесено с 1 марта на 1 января. Следует отметить, что в древнеримском доюлианском календаре Новый год также начинался в *марте* месяце, названного в честь бога войны Марса (*marsius*), а заканчивался год *февралем* – месяцем очищения.

Название среднего весеннего месяца в славянских языках имеет четко выраженный «цветочный» аспект. Белорусское название *красавік* от *краскі* – цветы, украинское и польское – *квітень, kwiecień* имеют одну и ту же «цветочную» основу. Народная культура эту пору ассоциирует с цветущим буйством природы. На средний весенний месяц приходится один из самых главных годовых праздников, дошедших из глубины языческой истории до наших дней – *Вялікдзень*. Этот праздник праздновался после дня весеннего равноденствия, когда день становился длиннее ночи, свет начинал одолевать тьму. Христианское название праздника *Пасха* (от древнееврейского Песах – праздник пастухов) у белорусов в отличие от великорусов не прижилось. О дохристианском

происхождении этого праздника говорит и то, что главным кулинарным атрибутом *Великдня* являются символы солнца – крашеные, как правило, в красный цвет яйца, используемые не только для еды, но и для выполнения ритуальных игр: «качания» с пригорков, «битья» на крепость, конкурсов на лучшую раскраску.

Завершающий весенний месяц в старобелорусском языке назывался *травень*, потому что в это время земля покрывалась зеленым ковром травы и скотина полноценно переходила на долгожданный подножный корм. Современные русский, белорусский и польский языки утратили природную основу названия этого месяца и в настоящее время имеют латинскую основу – *май* (рус., бел.), *maj* (польск.), и только в украинском языке (*травень*) сохранилась старославянская память о природной сущности завершающего весеннего месяца. Как правило на этот месяц приходился один из самых сакральных народных праздников *Радаўніца*, посвященный праотцам – родичам.

В названии первого летнего месяца в белорусском, украинском и польском языках присутствует один и тот же корень – *чэрвень* (бел.), *червень* (укр.), *czegwies* (польск.). В эту пору появляются первые красные (*червонья*) ягоды. Основным видом сельскохозяйственного труда в этом месяце была заготовка сена. От того, сколько и какого качества будет заготовлено сена, зависела зимовка скота, его приплод и, в конечном счете, благосостояние крестьянской семьи – будет ли она с молоком и мясом или без них. «Летні дзень – рок», «Не поле родзіць, а лета», «Чэрвень не гуляе – ураджай люляе».

В конце первой декады первого летнего месяца (по старому стилю) устанавливается самый длинный день и самая короткая ночь. Ко дню летнего солнцестояния у белорусов приурочен праздник *Купалье*, посвященный солнцу и огню, плодородию земли и воде. Гулянье в купальскую ночь проводилось подчеркнуто шумно: следовало бить в бубен, пустую посуду, ведра и т. п. Считалось, что ритуальный огонь, прыгая через который участники колядной ночи очищались от злых духов, должен поддерживаться сжиганием предметов, по форме напоминающих солнце: круглых колес, бочек. Таким образом, купальский огонь приобретал особую сакральную силу. Народное поверье гласило, что в купальскую ночь «расцветает» *Папараць-кветка*, обнаружив которую, удачливые люди найдут клад. По народным преданиям, под утро следовало искупаться и встречать восход солнца, которое в это время должно было *играть*. А поскольку в средние века купальных костюмов не существовало, то этот обряд выполнялся, что называется, «в чем мать родила», что с позиций христианской морали приравнивалось к бесовству. В Купальскую же ночь проводили и обряд *Русалий*. Русалки в народной белорусской мифологии занимали особое место. Они представляли собой соединение невинной девичьей красоты и неземной, неестественной обольстительности, святости и греховности, земного и неземного. Русалок боялись – они могли принести вред, порчу и даже забрать в свой подводный мир. Но с Русалками, точно так же как и с Лешим, можно было договориться, чтобы они не делали зла. Поэтому после окончания праздника исполнительниц роли Русалок следовало уговорить пойти к себе домой – в лес или водоем.

Название второго летнего месяца в белорусском, украинском и польском языках указывает на цветение липы – *ліпень* (бел.), *липень* (укр.), *lipnies* (польск.). Ведь в жизни славян липа играла неоценимую роль. Кора липы была сырьем для *лыка*, из которого плели лапти, из древесины изготавливали посуду, другую домашнюю утварь, а цветы липы были незаменимы при лечении простуды. *Ліпень* самый дождливый и жаркий месяц в году: «Ліпень пякучы, але даручы», «Ліпень косіць і жне, доўга спаць не дае», «Хто ў ліпені на полі пацее, таго узімку печка грее».

Последний летний месяц определялся важнейшим сельскохозяйственным видом труда, подводящим итоги годовой крестьянской деятельности, уборкой урожая – жатвой. Белорусское название месяца – *жнівень*, украинское и польское названия – *серпень* и *sierpien* в своем сущностном содержании идентичны, ведь уборка хлеба – *жнив*о испокон

веков осуществлялась *серпами*. В эту пору природа дает знать, что заканчивается лето и приближается осень. Следует поспешить с уборкой злаков и овощей, сборов даров леса: грибов и ягод, приступить к посеву яровых. «Жнівень сее, жне і косіць – на сталах багацця досыць», «Хто ў жніўні гуляе, той ўзімку галадае».

Названия первого осеннего месяца – *верасень* (бел.), *вересень* (укр.), *wiezesien* (польск.) происходит от названия расцветающего в это время лесного растения *верес*. На это время приходилось *Бабье лето* – конец сельскохозяйственных работ, когда после дождливой погоды природа дарила крестьянам последние погожие дни. «Як настане верасень – гаспадарам поўна гумно і кішень», «У верасні палі агонь і ў хаце, і ў полі». К дню осеннего равноденствия был приурочен *Багач* – старинный народный праздник окончания уборки зерновых, вобравший в себя черты языческого праздника бога Земледелия – *Даждьбога* – бога солнца, достатка, богатства. После этого дня интенсивность сельскохозяйственных работ снижалась, что нашло свое подтверждение в поговорке: «Да Багача баба рабача, на Багача – хоць за плот валачы».

Второй месяц осени у славян ассоциировался с увяданием природы – *жовтень* в украинском, *pozdziernik* в польском. Белорусское название *кастрычнік* также имеет природно-хозяйственное происхождение. В это время крестьяне трепали, чесали лен и коноплю, с которых осыпались одревеневшие остатки – *костра*, от которой и происходит белорусское название месяца. Главным народным праздником глубокой осени был *Покров (Пакроў)*, после которого начинается переход к зиме. «Кастрычнік ні калес, ні палоз не любіць». С этим праздником были связаны основные как сельскохозяйственные, так и социальные приметы: «Прыйшла Пакрова, пытае, ці ты да зімы гатовы». До наступления заморозков селяне старались заканчивать полевые работы, скот перевести на стойловое содержание. «На Пакрова дай сена карове». В эту ненастную пору дождей и ранних заморозков у крестьян еще оставалась возможность убрать последний неубранный урожай, завершить посев озимых, подготовиться к зиме. «У кастрычніку і хата з дравамі, і мужык з лапцямі».

Название последнего осеннего месяца *лістапад* (бел.), *листопад* (укр.), *listopad* (польск.) также определено естественно-природным циклом – сбрасыванием листьев с деревьев, листопадом. В эту ненастную пору деревья становятся голыми, улетели последние перелетные птицы, температура воздуха понижается до слабоотрицательной, холодный дождь сменяется мокрым снегом. У хороших хозяев заготовлены съестные припасы на зиму, селяне освобождаются от напряженных полевых работ. Если в предыдущем месяце домашний скот мог хотя бы выборочно кормиться травой на пашне, то в октябре уже нужно было использовать заготовленный на зиму корм: «Прыйшоў лістапад – кармі скатіну, брат». *Листопад* в широтах Беларуси представлял переходную пору года, в которой еще сохранялись отголоски осени, но зима о себе заявляла уже всерьез. «Лістапад – вераснеўскі ўнук, кастрычнікаў сын, зіме баццохна родны». Главным народным праздником этого месяца были *Дзяды*. За богато уставленный стол усаживались родичи и приглашали к столу праотцов – *дзядоў*, которых благодарили за помощь в сельскохозяйственном труде и просили принять участие в рядовом ужине – *вячере*.

Первый зимний месяц определялся началом холодов, что и зафиксировано в его названиях – *снежань* в белорусском, *грудень*, *grudzien* (замерзшие груды земли) в украинском и польском языках. На этот месяц приходится день зимнего солнцестояния – самый короткий день и самая длинная ночь в году. Редкое солнце уже не согревает землю: «Снежань землю грудзіць, хаты студзіць». Несмотря на холода и приносимые ими неудобства, народная мудрость сформировала убежденность в том, что земля должна оздоровиться морозом и накопить снега: «Мароз у снежні і снег вышей хаты – будзе год тады багаты». Для белорусов, проживавших в Полесье и Поозерье, наступившие морозы играли особое значение. После осеннего бездорожья устанавливались дороги, в том числе через реки, озера и болота, появлялась возможность добраться до недоступных

в другое время мест: «Снежань замосціць і загвоздзіць». В это время основные работы селян перемещались в помещения. Долгими зимними вечерами, при освещении лучины мужчины занимались ремонтом, изготовлением нехитрых ремесленных изделий, женщины, закончив повседневные дела, занимались прядением и ткачеством.

В процессе динамичного изменения геополитических, социально-экономических, социокультурных условий жизнедеятельности белорусов коллективное ощущение времени, как и все органические составляющие этнонационального менталитета, претерпевает изменение. Трансформация хозяйственной жизни белорусского этноса, переход от аграрно-сельскохозяйственного типа жизнедеятельности на преимущественно промышленно-индустриальный тип хозяйствования подвергает модификации и временные темпоритмы. Циклическое, полихроматическое ощущение времени у современных белорусов постепенно замещается линейным, монохроматическим. Но и процесс замещения, как и контуры современной модели ощущения времени, имеют свои специфические национальные белорусские особенности. Поскольку ощущение времени является важнейшей составной частью менталитета белорусов, предположительно, что этот процесс будет происходить не слишком быстро. Такие ментальные характеристики, как точность, обязательность, противопоставляются ментальным характеристикам сопричастности и созерцательности. Если высокая точность, обязательность являются необходимыми атрибутами линейного времени, то высокая сопричастность и созерцательность – важнейшими атрибутами циклического времени, в котором способность видеть все объекты и одновременно взаимодействовать с ними, являются более значимыми, чем заданная кем-то извне последовательность освоения этих объектов. Белорусы не опаздывают, они *задерживаются*. Противопоставленность категорий времени и сопричастности не позволяет белорусам радикально изменить временной темпоритм.

Ибо в таком случае придется сокращать время, отведенное на реализацию сопричастности, взаимного сотрудничества. Для белоруса, впрочем так же, как и для японца, потребность *поговорить* является не меньшим социальным результатом, чем *договориться*.

Следует также подчеркнуть, что само ощущение времени и временной темпоритм, точно так же, как и все ментальные характеристики, является *амбивалентным*. Как линейное монохроматическое, так и циклическое полихроматическое ощущения времени изначально не являются ни положительными, ни отрицательными. Американцы живут с ощущением линейного, дискретного, монохроматического ощущения времени. Ярко выраженным полихроматическим, циклическим ощущением времени обладают японцы, корейцы, китайцы. Причем неспешность японцев является не только врожденной, она культивируется с детства. Фабулой одной из самых первых сказок, которые рассказывают японские родители своим детям, является сюжет, в котором заяц и черепаха соревнуются на скорость достижения цели. При различных вариантах в конце сказки всегда побеждает мудрая, неспешная черепаха. Несмотря на то что, с точки зрения американцев, бесполезное созерцание японскими бизнесменами цветения сакуры и длительное ритуальное вступление в деловую беседу являются «убийством» времени, эффективность японской экономики не нуждается в комментариях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.